

МЕРОПРИЯТИЯ ГУБЕРНСКОЙ ВЛАСТИ ПО ЛИКВИДАЦИИ БЕСПОРЯДКОВ ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ 1905 – 1907 гг.

В советской историографии началом первой русской революции 1905-1907 гг. считалось "Кровавое воскресенье" 9 января 1905 г. Утверждалось, что крестьяне перестали верить в "Царя-батюшку" и массово стали выступать против него и против русско-японской войны¹. В современной литературе эту точку зрения поддерживает А.С. Ахиезер². Однако, этот тезис опровергается многочисленными Всеподданнейшими адресами Царю, отправленными из Самарской губернии уже после "кровавого воскресенья", в которых высказывалась верность царю-батюшке³. В Адресе от мещан и крестьян Николаевского уезда говорилось: "Даже у нас, в степном краю в первых числах декабря прошлого года разбрасывались по улицам какие-то бумаги, вроде газеты, только рукописные, ...на что Царь и начальство, да все такая чушь, что не приведи Бог больше встречать. Великий Государь ...мы готовы положить свой живот за Царя-батюшку"⁴.

Только в апреле 1905 г. некоторые землевладельцы стали высказывать опасение, "как бы с началом полевых работ не последовало самовольной распахки владельческих земель крестьянами в тех местностях, где крестьяне не имеют наделов, а проживают на арендных правах и за пользование усадьбами и выгоном исполняют ежегодно урочные полевые работы для помещиков"⁵.

Самарское губернское жандармское управление провело проверку этих слухов и выяснило, что "таковые прямо и не подтвердились, но тем не менее замечено несколько недовольное настроение среди крестьян теми условиями, на которых они принуждены пользоваться землей"⁶.

Причины недовольства назывались следующие: "1. стеснительное положение безземельных крестьян, давно уже претендующих на улучшение их быта; 2. влияние, оказываемого современной газетою и неблагонамеренными лицами". Вывод после проверки делался следующий: "Настроение сельского населения таково, что не требует никаких чрезвычайных мер"⁷.

В апреле же 1905 г. появились сведения, что "между крестьянами идут упорные толки, что скоро от землевладельцев и помещиков отберут земли и разделят поровну между всеми". Для пресечения слухов в Бугурусланский уезд направился вице-губернатор. Однако его усилия ни к чему ни привели и 7 июля 1905 г. губернатору пришло донесение: "После бывших в районе ярмарок разные толки о том, что

безнаказанно можно овладевать чужой землей среди крестьян усилились и что толки и попытки скостить арендную плату проявляются даже в такой очень хорошо относящейся к крестьянам экономии князя Оболенского Нелединского Мелецкого"⁸.

Начались самовольный пастьба, рубка леса, присвоение имущества помещиков и т.д.

Самым массовым способом борьбы с возникшими аграрными беспорядками стало увещевание крестьян старостами, урядниками, земскими начальниками и другими должностными лицами. В некоторых случаях крестьяне прекращали самовольные действия, но чаще всего крестьяне игнорировали увещевания. Так, по донесению полиции "староста пробовал было на поле уговорить крестьян [прекратить] самовольную пастьбу, но они отказались повиноваться, крестьяне были с дубьем и ружьями"⁹. А крестьяне, "принимавшие самое деятельное участие в разграблении хутора князя Оболенского Нелединского Мелецкого ... не имеют раскаяния в совершенном ими преступлении и не возвращают награбленное, а все считают, что за это им ничего не будет"¹⁰.

В чрезвычайных случаях вызывали войска. Их прибытие оказывало благоприятное воздействие и позволяло власти наводить порядок. Однако войск не хватало. Весной-осенью 1905 г. в губернии действовала всего сотня казаков. При этом разрешение "задерживать или направлять казачью команду не согласно с имеющимся у казачьего офицера маршрутом, а в места, где это будет вызываться необходимостью" было выдано лишь 9 ноября 1905 г.¹¹.

Войск в губернии постоянно не хватало. В ответ на просьбу губернатора Засядко разместить по сотне казаков в Николаевске и Бугуруслане, а остальную часть полка в Самаре ему было сообщено, что 310 пехотный полк, который должен был быть откомандирован в распоряжение губернатора, состоит из плохо обученных нижних чинов, и в настоящее время серьезно обучается военному делу и проходит курс стрельбы, и поэтому помощь гражданским властям оказать не может. В силу этого губернатора просили избегать откомандирования войск в его распоряжение, так как войска часто вызывают в результате преувеличения местной администрацией размеров ожидаемых беспорядков и было предложено не преувеличивать опасности. Также было высказано пожелание избегать командирования значительной части войск туда, где можно обойтись лишь малыми частями¹².

Однако, от посылки малых частей очень скоро пришлось отказаться, так как они переходили на сторону крестьян, и начальник Казанского военного округа принял решение не посылать войска меньше, чем полусотней¹³.

В результате сложившейся ситуации губернские власти были лишены необходимого инструмента для наведения порядка. Предпринимались попытки предотвращать беспорядки. Особую роль в этом сыграл губернатор Саратовской губернии Петр Аркадьевич Столыпин. Он заявлял, что «возникающие в разных местах беспорядки, а равно забастовки рабочих и мастеровых, заразительно действуют на крестьянское и рабочее население других местностей и вызывают подражание, которое нередко представлялось бы возможным предупредить, если бы заранее иметь сведения о происходящем по соседству»¹⁴. Вследствие этого Столыпин просил Самарского губернатора сообщать о беспорядках, происходящих по соседству с Саратовской губернией, и обещал сообщать о них в Саратовской губернии.

Тем не менее ситуация не улучшалась. Гражданские власти действовали нерешительно и не могли реально оценить степень опасности. В этом плане характерно происходящее в усадьбе графа Орлова-Давыдова.

14 апреля 1905 г. он прислал телеграмму с сообщением, что его крестьяне «говорили, что как начнут пахать, то приедут за сеном на рытване, возьмут его сколько им надо, за что им якобы наказания не будет, о чем сообщил им какой-то студент»¹⁵.

После получения этого донесения, уездный исправник лично посетил с. Александровку и сообщил о том, что «там все спокойно». После чего губернатор заявил в Петербург в Департамент полиции, что «надобности в военной силе нет»¹⁶.

В конце мая от Ставропольского уездного исправника пришли донесения, что «несмотря на усиленную полицейскую охрану в лугах, находящихся близ дер. Александровки... повторяются поджоги стогов сена, несмотря на делавшиеся разъяснения и увещевания лично мною»¹⁷.

В ответ на эти сообщения граф Орлов-Давыдов обратился за помощью в столицу. Губернские власти никак не отреагировали, после чего Товарищ министра внутренних дел переложил всю ответственность на самарского губернатора: «На сообщение Департамента полиции о происходящих во вверенной вам губернии крестьянских беспорядках, потравах и поджогах, а равно о ходатайстве графа относительно расквартирования в его имении казаков, вы ... уведомили департамент, что открытых беспорядков в имении графа Орлова-Давыдова нет, надобности в вызове военной силы не имеется

и что ходатайство его о расквартировании в его имении казаков окажется вредным по впечатлению на население и опасным как пример для других землевладельцев. Между тем ныне вновь получены сведения о том, что в вотчине графа Орлова-Давыдова вследствие поджога сгорела конюшня лошадей, все экипажи и сбруя, причем с трудом удалось отстоять контору. Сообщая об изложенном, уведомляю вас, милостивый государь, что в виду категорического заявления Вашего..., что беспорядков в имении ... нет... всю ответственность за нарушение в означенном имении порядка и последствия всецело возлагаю на Ваше Превосходительство»¹⁸.

В октябре граф Орлов-Давыдов снова пытается вызвать войска. Снова безрезультатно. 25 ноября земский начальник докладывал Самарскому губернатору: «Сейчас началось разграбление Рязанского имения графа Орлова-Давыдова, я сейчас в Рязановке, но оказать какое-либо содействие не можем.»¹⁹ На следующий день управляющий сообщил, что «разграблено имение графа Орлова-Давыдова. Барский дом, контора и все постройки сожжены»²⁰.

30 ноября граф обратился в Министерство Внутренних дел с просьбой разрешить ему учредить конно-полицейскую стражу для охраны имения.

7 декабря ставропольский уездный исправник доложил: «Разграблено все»²¹. 10 декабря графу Орлову-Давыдову было разрешено приобрести 80 винтовок и 8 тыс. патронов к ним для вооружения служащих в его имении²².

20 декабря Самарский Губернатор отдал приказ командировать войска для прекращения беспорядков в имении графа.

Многие землевладельцы, отчаявшись получить помощь от губернских властей, обращались напрямую в столицу к Рачковскому. Однако даже его телеграммы с приказом принять меры не помогали, губернатору просто не хватало войск. Поэтому многие землевладельцы принимались защищать свое имущество своими силами и направляли в Министерство внутренних дел просьбы о разрешении им вооружить своих служащих. В большинстве случаев это разрешалось.

Для оценки ущерба, нанесенного крестьянами, создавались временные уездные комиссии. Их руководителями назначались уездные предводители дворянства. Они принимали во внимание убытки, непосредственно пришедшие от беспорядков. Стоимость понесенных убытков определялась при участии приглашенных сведущих лиц²³.

Тем не менее комиссии крайне осторожно вели дела и не всегда решение вопроса было в пользу помещика.

Так, землевладелец дворянин Аксаков заявил о самовольной порубке принадлежаще-

по ему леса Алпатьевским обществом. После исследования комиссия выявила интересные дополнительные факты: "Оказывается, что лесной участок, на котором произведен выруб леса показан на плане их (крестьянского - Е.С.) общественного владения, а землевладелец Аксаков считает его своим лишь на основании давности пользования землей"²⁴. На предложение прекратить выруб леса на спорном участке крестьяне охотно согласились, но заявили просьбу о возбуждении перед губернским начальством ходатайства о командировании землемера для возобновлении межи на границе их владений с Аксаковым. В итоге спорный лес поступил в пользование Алпатьевского общества.

По мере осознания опасности от происходящего гражданским властям передавали все больше полномочий. Именным Высочайшим указом губернаторам предоставлялось "право объявлять собственной властью вверенной их управлению местности, смотря по обстоятельствам в положении усиленной или чрезвычайной охраны"²⁵.

Было увеличено количество войск в Самарской губернии. Летом в ней было расквартировано 32 роты пехоты, 3 батареи артиллерии и 4 сотни казаков²⁶.

Осенью 1906 г. Самарская губерния была объявлена на положении усиленной охраны и был введен военно-полевой суд. В результате к концу 1906 г. обстановка в Самарской губернии стабилизировалась.

Примечания

¹ Буртовой В.И., Титов И.И. Самарский гарнизон в годы первой русской революции // Самарский краевед: историко-краеведческий сборник. Куйбышев, 1990. С.139; Будаев Д.И.

Смоленская деревня в конце XIX и начале XX вв. К вопросу о темпах, уровне и степени развития аграрного капитализма. Смоленск, 1972. С.443; Громько М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С.314; Ниякий В.В. Нижегородская деревня. Облик и настроения классов в первой российской революции. Горький, 1981. С.79; Парыгин Б.Д. Общественное настроение. М., 1966. С.169.

² Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Т.1. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1997. С.314.

³ ГАСО. Ф.3. Оп.52. Д.36. Л.17,28.

⁴ ГАСО. Ф.3. Оп.52. Д.36. Л.1.

⁵ ГАСО. Ф.3. Оп.233. Д.1910. Л.5.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л.6.

⁸ Там же. Л.21.

⁹ ГАСО. Ф.3. Оп.233. Д.1910. Л.45.

¹⁰ Там же. Л.31.

¹¹ ГАСО. Ф.3. Оп.233. Д.1913. Л.48-49.

¹² ГАСО. Ф.3. Оп.233. Д.1913. Л.18.

¹³ ГАСО. Ф.3. Оп.233. Д.1944. Л.1.

¹⁴ ГАСО. Ф.3. Оп.233. Д.1908. Л.13.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ГАСО. Ф.3. Оп.233. Д.1924. Л.11.

¹⁷ Там же. Л.40.

¹⁸ Там же. Л.48.

¹⁹ ГАСО. Ф.3. Оп.233. Д.1924. Л.67.

²⁰ Там же. Л.68.

²¹ Там же. Л.79.

²² Там же. Л.84.

²³ ГАСО. Ф.3. Оп.233. Д.1913. Л.29.

²⁴ ГАСО. Ф.3. Оп.233. Д.1910. Л.56.

²⁵ ГАСО. Ф.3. Оп.233. Д.1908. Л.74.

²⁶ ГАСО. Ф.3. Оп.233. Д.2197. Л.21.